

6+

Оксана Спичак
История одного ботинка

Оксана Спичак

История одного ботинка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Спичак О. В.

История одного ботинка / О. В. Спичак — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Задумывались вы когда-нибудь о том, что наша обувь способна видеть, слышать, чувствовать? Что она живёт своей наполненной событиями жизнью? Нет? Тогда читайте сказочную историю чёрного ботинка, который по воле судьбы оказался в мрачном пыльном шкафу. То с улыбкой, то со слезами на глазах он поведаст вам о своём знакомстве с мальчиком по имени Петька, о том, как один за другим в доме мальчика и его родителей появлялись разные животные, не всегда дружелюбные, и о своих приключениях, связанных с этими событиями.

Содержание

История Одного Ботинка	5
Как всё начиналось	6
Коты атакуют!	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

История Одного Ботинка

Моя история просит выхода в свет, ибо я уже достиг того почтенного возраста, когда можно передавать весь накопившийся опыт и мудрость молодому поколению. Несмотря на то, что по человеческим меркам мне очень мало лет, а именно, почти четыре года, по меркам моих собратьев я вполне себе уже старичок. Ах, да, я же совершенно забыл вам представиться: я – правый ботинок, который носил школьник по имени Петька. Раньше носил и очень любил, но теперь пришло то страшное время, когда я никому не нужен и валяюсь в шкафу до той поры, пока Петькина мама не сделает здесь уборку. И тогда случайно моё временное тайное убежище будет раскочерчено, и меня схваааааатят за зелёные шнуркиииии, и вышвырнут... Пфффррррррргг! Ой, извините, что-то я расчувствовался, сейчас уберу свой носовой платок. Пффрр! Все-все, убираю. Продолжаю.

Когда-то, разумеется, у меня был брат-недобрый, левый ботинок, ибо невозможно вещам вроде нас существовать в полном одиночестве. Мы всегда имеем пару. Но со временем, так уж сложились обстоятельства, мой левый брат изнашивался первым. Его пытались, конечно же, вовремя чинить. Носили с этой целью к одному растрепанному башмачнику, рядом с которым лежал, положив морду с тоскливыми глазами на грязные лапы, такой же растрепанный, как и его хозяин, пёс-дворняга. И мастер по заговору острых гвоздей в наши тела починил моего брата. Добросовестно. Я могу об этом вам поведать совершенно правдиво, потому что был тогда рядом с ним. Просто стоял на полке среди таких же побитых жизнью сапог и ботинок и ждал, пока оперировали подобного мне. И очень родного. Потому что мы с моим братом участвовали во всех грязных и не очень делишках нашего подопечного, Петьки, всегда в паре. Честно вам признаться, мои дорогие, все эти молотки, гвозди и прочие инструменты пыток приводили меня в шоковое состояние, однако, на мое счастье, мне перепало от них гораздо реже, нежели моему брату. Бывали мы с братом у мастера починки обуви не один раз. И мне показалось, что чёрный пёс очень подозрительно смотрел на нас. Он, видите ли, думал о том, как бы поточить о нас свои старые больные зубы. Ну, по крайней мере, я в этом был совершенно уверен. И потому с опаской относился к существам с зубами и когтями. Но если бы знал я тогда, что этот пёс был просто божьим одуванчиком по сравнению с теми животными, с которыми я на свою бедную голову (Ой! У меня же нет головы! Ну, тогда на свой, хмм, бедный носок) познакомился позже, я, скорее всего, обрёл бы верного друга в лице (Ой, нет. В морде) того добродушного пса.

По истечении отведённого нам времени носки нас ещё пытались с силой натягивать на быстро растущие Петькины ноги в тёмных носках. И нам ох как несладко приходилось в те минуты. Мы просто трещали по швам и скрипели, предупреждая мальчишку о том, что возможно скоро просто лопнем, и тогда останется от нас подошва да старые вылинявшие шнурки. Но он не умел прислушиваться к верным своим вещам. Я так привык говорить «мы», а не «я». Да, с недавних пор я остался один. И пока еще моя судьба не сопровождала меня за шкуру на свалку за ненужностью, я потешу вас своими воспоминаниями. И, конечно же, расскажу о том, почему моего брата-близнеца швырнули-таки в голубой мусорный пакет.

Как всё начиналось

Не особо отчётливо, но всё же я помню, как мы с братом появились на свет. О, это было восхитительно! Первый раз увидеть всякого рода станки и руки. Много человеческих ладоней. Молодых и сильных, ладоней с морщинками и родинками, с длинными тонкими пальцами и с короткими, похожими на сардельки. А еще запахи. Новая кожа, обувной клей, новенькие картонные коробки – такие ароматы можно почувствовать только на обувной фабрике. Я не могу припомнить, как ни стараюсь, много ли было подобных нам, какие были ещё выходцы с той фабрики, всё, что я помню о том времени – это лишь эмоции. Они были новыми и потому острыми. Позже была поездка в магазин – не самая приятная вещь на свете. В маленьком и душном фургоне нас и подобных нам мучеников набили до отказа и перевозили долго, да, очень долго. Наши ряды постепенно редели, становилось легче дышать, но мы совершенно не представляли себе дальнейшего развития событий. Гораздо лучше я помню множество огромных детских глаз в сопровождении строгих придирчивых взрослых, с вечно поджатыми губами, которые подолгу изучали нас с братом и кружили нас в своих руках так, что часто тошнило. Дети надевали нас на свои ступни, больно сжимая металлической длинношейей ложкой для обуви. Но мы не обижались. Нам интересно было все. Интересна сама жизнь и всё то необычное, что происходило вокруг нас каждый день. Я хорошо запомнил наш с братом последний день пребывания в обувном магазине. Точнее, ночь. Это, по-видимому, от того, что магазин наш и все близлежащие к нему окрестности были необычно ярко освещены. Гораздо позже я узнал все подробности, касаемые слова «Рождество». Но тогда я имел довольно смутное об этом представление. Мне было так интересно! И просто невероятно весело! Я с превеликим удовольствием наблюдал за тем, как с зимнего неба на дома и черные сморщенные деревья, словно сгорбленные старики сонно стоящие вдоль дороги, падали огромные хлопья снега, будто закручивая их в пушистые шарфы и пледы. На улице горели яркие золотые фонари, которые из-за обильного снегопада казались все в горошек. Возле нашего магазина установили неизвестно где взятую зелёную колючку, навешали на неё сверкающие шары и, обозвав это странное зрелище «Рождественской Ёлкой», умилялись созерцанию необычного дерева. Внутри нашего магазина установили такую же колючку, только гораздо более внушительных размеров. Директор магазина ахала и охала до тех пор, пока колючка эта не стала переливаться всеми цветами радуги – оказывается, на нее повесили э-э-э-э как это называется? Всё время забываю. Простите, старость – вещь не всегда во всех отношениях приятная. Ах, да. Припоминаю. Так вот, на неё повесили фонарики. Да, точно, ёлочные фонари. И колючка эта стала выглядеть ещё более нелепой, чем до того. Но людей это почему-то очень радовало. Мой брат, кстати говоря, был ботинком очень тихим и спокойным, не то, что я. Но по странной усмешке судьбы ему доставалось от этой жизни похлеще, чем мне.

Утро этого самого дня, который люди с умилением называли «Рождеством», в нашем магазине началось как-то неожиданно шумно. Оказалось, что в этот самый день родителям ученика младшей школы, Петьки, взбрело в головы подарить ему новенькую пару ботинок.

– А то наш сын с сугробов не выпрыгивает, ему нужна обувь на смену. Представляете? Его хорошие зимние сапоги не успевают просыхать. Да и праздник на носу, – тараторила суетливая женщина, держа испуганного мальчишку за руку. Продавец обуви, больших размеров тётенька с короткими кудрявыми волосами, понимающе кивала и подсовывала маме мальчика кипы обувных коробок. Видимо, в надежде продать побольше. Но большинство этих коробок были возвращены обратно за прилавок.

– Мама, мне вот те нравятся, – указал зеленоглазый, весь в веснушках мальчик на нас. Мы стояли на стеклянной витрине прямо напротив его глаз и выглядели великолепно!

Так и познакомились. Петькина мама, стройная светловолосая женщина с глазами цвета крепкого кофе, не сразу нас полюбила, но после долгого досконального осмотра, ощупывания, поскрёбывания и примерки сделала выбор в нашу пользу.

Через пару часов мы попали в дом, который по невежеству и неопытности приняли за рай на земле. А гораздо позже мы стали чихать и закашливаться от обилия кошачьей шерсти в нем и потерянных коварными животными усов. В нашу первую зиму в новом для нас местопребывания мы узнали о том, что резкая смена настроения бывает не только у мамы мальчика, но и у молодой трёхцветной кошки по кличке Манька. Поначалу, еще будучи котенком, она часто играла с нами, когда все в доме ложились спать. Стаскивала с полки своими маленькими цепкими лапками, перетаскивала на половик на кухне и там пинала нас, кусала и отпрыгивала в сторону, прогибаясь, как полбублика, как будто пугалась чего-то большого и страшного. А поутру получала за свои шалости тряпкой по морде от мамы, потому что в такое время мама просыпалась первой и находила по всему дому много чего интересного: клочки бумаги, взъерошенные носки, обувь, притащенную из прихожей или веник, который, бедняга, чаще других здоровался с когтями котенка. Ну а в самом тяжёлом случае, когда мама случайно наступала ногой на кучки чего-то отвратительно пахнущего, да еще спросонья умудрялась растащить это все по комнатам, доставалось не только кошке, но и мальчику. И каждый такой раз мама сильно ругалась:

– Петя! Опять твоя кошка нагадила! Иди убирай или сейчас же верну её туда, откуда по глупости принесла.

– Хорошо, мамуль! Я всё уберу. Только, пожалуйста, не выбрасывай её! – из-за угла показывалась сначала Петькина полосатая пижама с растянутыми коленками, потом его взъерошенные после сна волосы, а потом и перепуганные зелёные глаза. Он хватал на руки котёнка и относил его в свою комнату. А там прятал под кучей одеял-подушек-пледов и просил сидеть тихо, чтобы мама случайно не передумала и не выбросила животное.

– Круто утро началось, – бурчал мальчик себе под нос, елозя тряпкой по полу.

Нам было хорошо той зимой: нас чистили, сушили около тёплой батареи, рядом с которой мы засыпали за считанные секунды. Пока нас не будил котёнок. За нами ухаживали, смазывали чем-то липким, и мы потом блестели, словно только что из магазина. И даже ныряние в холодные снежные сугробы нам очень нравилось, ведь мальчик приходил домой после прогулок с друзьями весь насквозь мокрый, но такой счастливый! И наша заслуга в этом тоже была. Шли дни. Мы узнавали всё больше и больше об обитателях этого дома. Нас часто брал в свои большие руки отец мальчика, высокий весёлый мужчина с усами, рыжими волосами и такими же, как у Петьки, зелёными глазами и крутил туда-сюда. Аж головы кружились. (Если бы они у нас с братом были). Вобщим, нам приходилось терпеть эти «папины американские горки». И к тому же, мы сделали вывод о том, что не только ботинки бывают пушистыми внутри. Но и папин большой нос, который что-то там пытался вынюхать в нас, тоже. Вокруг нас обитали такие же парные жители этого дома, на ночь снятые с человеческих ног и очень уставшие за день. Высокие мамины сапоги, начищенные до блеска, папины гигантские (по сравнению с нами) старые ботинки. Они стояли на обувной полке, надуваясь, как индюки от важности. Как-никак, они имели честь защищать ступни хозяина дома! Мы с братом подшучивали над ними, пока они спали и приклеивали им усы из найденных волос или шерсти. Намазывали на обувной крем и лепили прямо на их важные носы шнурками вместо рук. Ведь, как известно, рук у нас отродясь не бывало. Вот потеха была! А ещё нашими соседями по комнате были сапоги мальчика – «свой парни». Молодые и задорные, им нравилось дурачиться и веселиться. Ростом они были повыше нас, да и весом побольше и цвет имели немного странный – рыжий. Будто все в веснушках. Но нормальные парни, носы не задирали. Лично мне, да и моему родному брату тоже, больше нравился наш чёрный цвет.

– Вы у меня такие блестящие, чёрные, прям как бычок-смоляной бочок, – поглаживая нас рукой, ласково говорил мальчик. Кто такой был этот самый бычок, мы не знали, но было очень приятно от того, что нас любят.

Когда закончилась зима, и снег покинул место своего возлежания, нам почему-то стало очень грустно. Оказалось, что не напрасно. У мальчика на ногах теперь гордо сидели новенькие кроссовки, а нас поместили на самую нижнюю полку, и видимо, потеряли из виду. Случайно. Потому что всю зимнюю обувь Петькина мама тщательно вымыла, высушила, упаковала и сложила в высокий пузатый шкаф. А нас покрутила в руках, и бросив непонятное: «Хмм», – запихнула на нижнюю полку обувной этажерки. Так и стали мы невольными свидетелями того, что жизнь постоянно меняется и не всегда в лучшую сторону. На наших глазах котёнок из групого и игривого превратился в ленивую грациозную кошку, у которой полморды было белого цвета, а другая половина – чёрного, а между этими двумя цветами яркими пятнами красовались рыжие кляксы. Большую часть дня кошка проводила на кровати мальчика. Нам, конечно, из прихожей не было этого видно, но мы поняли это, когда мама, неся кошку на улицу, говорила:

– Маня, иди погуляй. Валяешься целыми днями на кровати! Всё покрывало Пети в шерсти!

Глупые! Они ещё не знали, что такое по-настоящему кошачья шерсть. Но им объяснили это. Вскоре. Кхе-кхе-кхе! Прошу прощения, мои дорогие, видимо, это у меня аллергия. Где там мой носовой пла-а-а-а-апчхи! Апчхiiiiii! Апчхiiiiii! Да что же это та-а-а-апчхи!

Кажется, отпустило. Итак, продолжим. Вы думаете, что коты – это милые пушистые создания? Ничего подобного! Я смогу доказать вам обратное. Может быть после моего рассказа вы сто раз подумаете, прежде, чем заводить себе кота?!

С какой-то известной только ему самому целью мальчик перенёс нас с братом себе под кровать. Моему брату было спокойно и хорошо, а вот мне не сиделось на месте. Хотелось куда-то бежать вместе с Петькиными ногами, принимать участие в какой-нибудь заварушке, чувствовать новые ощущения, а не валяться под кроватью, чихать от пыли и делать ставки: сколько комаров и мух поймает под кроватью мальчика серый длинноногий паук сегодня ночью? Больше, чем хитрый толстый чёрный паук, что живёт за Петькиным шкафом? Занятие, скажу я вам, не самое забавное, но хоть какое-то развлечение, чтобы не разойтись по швам от скуки! Победителю, как и прежде, доставалась награда: высунуться вперед первым из-под кровати для того, чтобы кошка Маня почесала ему то самое место, где завязывается у ботинка шнурок. Эдакие «почесалки». Я тогда поставил на длинноногого паука, решив, что раз он легче, то и более ловким окажется. А мой левый брат выбрал чёрного коротышку. К утру мы посчитали, сколько невинных жертв болталось вниз головами в паутинах ночных охотников. И.. Барабанная дробь, друзья! Та-да-да-дам! Я победил! Нет, не могу врать. Это был мой брат. В смысле, он выиграл, а я продул! В паутину серого худого паука смог забрести лишь седовласый скрюченный сверчок, который, скорее всего, или оглох, или ослеп от старости. Нет, вы только представьте себе, этот неповоротливый чёрный паук смог обхитрить три безмозглые мухи, одного мотылька и четверых(!!!) комаров. Аминь, ребята.

Итак, мне пришлось смириться. Моему брату повезло! Так я считал в ту минуту, пока не понял, что мы с ним натворили. Я сейчас о споре, ребята. Я не знаю, какого там «Вискаса» обьелась кошка, но она так почесала моего брата, что разодрала его шнурок вдрызг. Из практически нового и блестящего он очень быстро превратился в лохматого и разодранного в клочья. Смена настроения в тот раз была у кошки. Я же говорю, моему брату – левому ботинку, что-то по жизни чаще достается, чем мне. Вот везёт, так везёт! Когда Петя увидел то, что раньше было его ботинком, он испугался. И за расцарапанный ботинок, потому что любил нас. И за кошку, потому что в очередной раз мама могла выгнать ее за подобные шалости:

– Вот так дела! Маня, ты что натворила? Да меня же мама вместе с тобой сейчас выселит на улицу! Что же делать?

Мальчик схватил в руки пострадавшего печального моего брата, и произнёс приговор:
– Шнурок испорчен. Окончательно.

У меня язычок ёкнул. Брат!

– Но можно же что-то сделать?! – кричал я, но моего языка мальчик не понимал.

Петя засунул ботинок назад под кровать, подальше, чтобы мама случайно не увидела, взял кошку на руки и вышел с ней из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. А мы с братом так и остались валяться в углу под кроватью, в печали. Нарыдались с ним вволю, распрощались с нашими роднёнькими шнурками, но потом успокоились и просто стали ждать.

Мальчик вернулся не скоро, и мы с моим левым недоблизнецом чего только не передумали! Но Петька принес нам радостную весть:

– Ребятки, я вам новые шнурки купил!

– Эй, коллега! Выше нос! Слышишь, у нас обновки! – пришитым каблуком я пихнул в бок своего брата, но тот лишь застонал, потому что раны, полученные им от когтей кошки, оказались довольно глубокими и болезненными, – Упсссс! Прости, братан!

Петька полез под кровать, и, поскольку мальчиком он был очень подвижным, быстро достал нас оттуда и посмотрел на нас так, прям, в душу заглянул! Он нас любил. Да, точно. Ловкими пальцами он освободил нас с братом от испорченных шнурков (Точнее, от шнурка, который издох прямо на моем брате. Мой-то нормальный ещё был. Но менять – так менять. Оба.) А затем, быстро распаковав пакет с новыми шнурками, принялся продевать их через наши целые люверсы. (Это дырочки для шнурков) Нужно отдать Пете должное, так как шнурки он нам выбрал довольно неплохие. Даже оттенок чёрного цвета мальчик уловил именно такой, какой нам подарила обувная фабрика. Наши родные шнурки были, конечно, лучше. Но... После проведённой процедуры мы с братом выглядели почти великолепно!

– Петя, сынок, пойдем ужинать, – приоткрыла дверь мама мальчика. Настроение у неё было ооочень хорошим. В комнату ворвался запах жареных мясных котлет. Я прям слюни обронил на Петькин половик. (Как будто я ел такое!) Петькина мама, наверное, тоже нанюхалась этого аромата, пока готовила ужин на кухне. А может даже уже и наелась вволю мясных вкусняшек, потому что глаза ее сияли, и она улыбалась. Но, заметив нас в Петькиных руках, она нахмурила брови:

– Петя, ты, что, обутым по комнате ходишь?

– Нет, мам, я их достал с полки. Померить нужно и всё такое.

– Что за глупости, Петя? Зачем тебе сейчас мерить зимнюю обувь? Убери их в шкаф. Давай-ка, дружок, мой руки и кушать! Нет, вы только посмотрите на него! Он то с кошками в обнимку, то с грязной обувью!

Мама вышла, но слышно было, как она возмущается уже там, на кухне. Мальчик вздохнул:

– Эх, ребята, вы на неё не обижайтесь. Мама у меня хорошая, она просто некоторые вещи не понимает. А знаете, я ведь очень скучаю по нашим с вами зимним проказам!

Что-то у меня в горле ком стал и глаза щиплет... Этого мне только не хватало! А всё-таки мальчик нас любил! Он обнял нас так сильно, что из нас чуть тёплые устилки не повылазили!

Из-под кровати торчали ноги мальчика в домашних трико и тонких носках: он как можно дальше старался убрать нас в самый дальний угол, чтобы никто не увидел. Мы с братом тоже были не против такого положения вещей. Это гораздо лучше и интересней, чем наблюдать за микроскопическими клещами в пыльном обувном шкафу. Жирных вкусных котлет в тот вечер мы с братом всё-таки отведали. Вы спросите: как? Дело в том, что мальчик принёс ещё тёплую котлету себе в комнату, постелил на пол лист бумаги и позвал кошку Маню. Та, недолго думая, схватила зубами кусок и убежала под кровать. Прямо на наших носках она расправилась с добычей. Думаю, что это было вкусно. Не могу заверить вас в этом точно, но скажу вам

совершенно откровенно, что масляные пятна, которые достались нам от кошачьего ужина, мы с братом впитали в себя так быстро, как только смогли. И облизнулись. Нет, правда вкусно!

На следующий день Петька устроил нам расслабляющий массаж. Он чистил нас, натирал кремом для обуви, приговаривая:

– Ну, Маня, опять помогла! Хоть бы жирных пятен не было видно! А то мама заругает!

Мальчик покрутил нас из стороны в сторону перед хорошо освещенным окном, чтобы получше рассмотреть. Пятна на нас исчезли, и мальчик успокоился. Мы снова заняли наше место под кроватью.

Коты атакуют!

Однажды стоял пасмурный осенний день, похожий на недовольную жизнью старуху с выдвинутым вперед подбородком. Мокрую, холодную, мерзкую старуху. Под кроватью было тепло, сухо и тихо. Петька был в школе, а в его отсутствие на кровати спала кошка Маня. Она свернулась калачиком и еле слышно посапывала. Под шум дождя вдвоем с братом мы тоже задремали на часок-другой. Я не сразу сообразил, что случилось. Какой-то шум и непонятная возня сначала напрягли мои уши, а потом заставили мои глаза открыться. Пока я пытался открыть один глаз, второй впадал в глубокий сон. И наоборот. Лишь когда моего брата схватили за шнурок острые маленькие когти, на меня словно вылили ведро холодной воды. Я проснулся и завопил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.